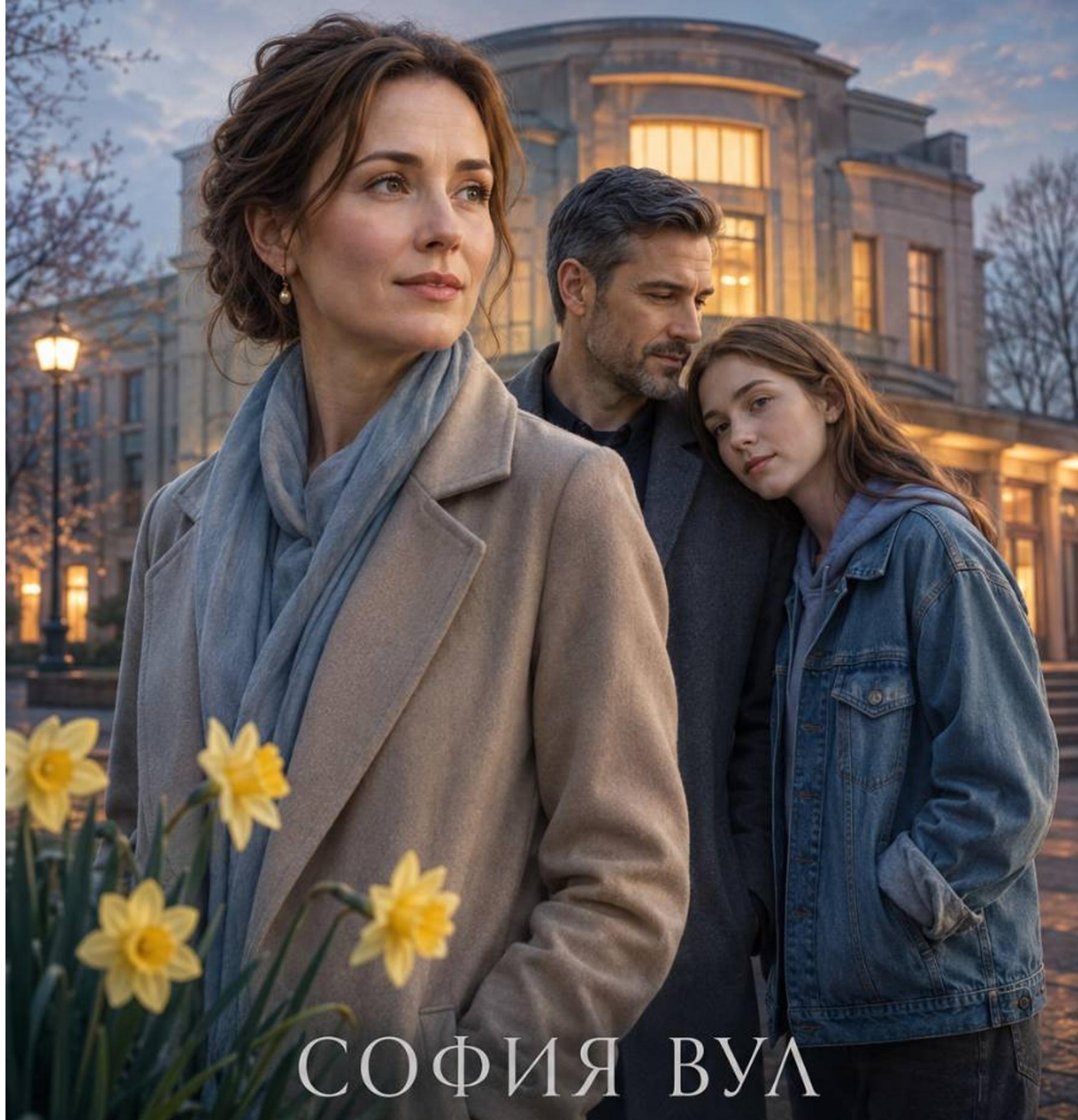

ПОСЛЕДНЯЯ СЕМЬЯ

СОФИЯ ВУЛ

София Вул

Последняя семья

«Автор»

2026

Вул С.

Последняя семья / С. Вул — «Автор», 2026

Анна Ветрова профессионально спасает семьи, но давно не верит, что сможет создать свою. Всё меняет встреча с Елизаветой, неизлечимо больной женщиной, которая просит её помочь мужу и дочери пережить неминуемую потерю. Анна входит в их дом как чужой человек, не подозревая, что чужая беда заставит её заново научиться любить. Но можно ли стать частью семьи, если твоё место в ней освободила другая женщина? И имеет ли право на новое счастье тот, кто поклялся любить до конца?

© Вул С., 2026

© Автор, 2026

София Вул

Последняя семья

СОФИЯ ВУЛ
ПОСЛЕДНЯЯ СЕМЬЯ

Глава 1. Люди, которые уходят

Анна Ветрова умела объяснять детям, почему папа больше не будет жить дома.

Она знала, какие слова нельзя произносить при ребёнке, даже если очень хочется сделать бывшему супругу больно. Умела разделить одну семью на две, не превращая развод в войну. Помогала решить, у кого останется собака, как провести последний общий Новый год и что ответить ребёнку, уверенно заявляющему, что родители разлюбили друг друга из-за него.

Но сегодня всё шло не так.

— Скажите ей, что она разрушила нашу семью! — потребовал Артём, сидевший напротив Анны.

Его жена Инга сидела на другом конце дивана, отвернувшись к окну. Между супругами оставалось почти полтора метра пустоты. Иногда Анне казалось, что именно так выглядит конец брака: двое людей ещё рядом, но между ними уже можно поставить третьего.

— Я не стану этого говорить, — спокойно ответила она.

— Тогда зачем мы вам платим?

— Чтобы вы сумели расстаться, не разрушив жизнь детей.

Артём обвинял жену в измене, Инга напоминала, что два года просила его о помощи. Анна позволила им высказать боль, затем вернула разговор к восьмилетней Лере, желавшей видеть обоих родителей на своём дне рождения.

— Вам не нужно изображать счастливую семью, — объяснила она. — На празднике вы будете не супругами, а родителями одной девочки. Это единственная роль, о которой я вас прошу.

Они договорились об общем подарке, двух часах без упреков и отсутствии новых партнёров. Артём вышел первым. Инга задержалась у двери.

— Вы правда думаете, детям станет легче?

— Не сразу. Но дети учатся любви, наблюдая за родителями. Если они постоянно видят рядом двух несчастных людей, то начинают считать несчастье нормальной частью близости.

— А если мы всё испортили?

— Тогда покажите им, что ошибки можно исправлять.

Инга нерешительно улыбнулась.

— Артём говорит, что у вас самой нет семьи. Простите... Просто странно: вы так хорошо знаете, что нужно делать.

— Знать и делать — не одно и то же.

Оставшись одна, Анна подошла к окну. В доме напротив загорелся свет, люди возвращались с работы, ставили чайники, спрашивали детей об уроках. Издалека все семьи казались благополучными.

Телефон завибрировал. Дочь написала, что останется у отца. Полина училась на втором курсе и почти не жила ни у одного из родителей, но Анна по-прежнему покупала продукты на двоих и держала на полке её любимую кружку.

В дверь заглянула администратор Ольга.

— Ваш клиент на семь часов уже пришёл. Михаил Андреевич Соколов.

Анна не помнила записи, но в расписании действительно стояло: сорок шесть лет, женат, один ребёнок, помощь семье при расставании. В комментарии клиент написал: «Необходимо подготовить жену и дочь. Жена о предстоящем расставании знает».

Михаил оказался высоким худощавым мужчиной с сединой на висках. На руке блестело обручальное кольцо.

— Вы помогаете людям правильно расставаться? — спросил он.

— Одинаково правильного способа не существует.

— У нас с женой хорошие отношения. Мы не ругаемся, не делим имущество. Ни у кого нет другого человека.

— Почему же вы решили расстаться?

— Это сложно объяснить.

Он рассказал о двенадцатилетней дочери Соне и странной просьбе жены: провести несколько месяцев как обычная семья — встретить Рождество, отпраздновать день рождения, съездить весной в небольшое путешествие.

— А потом сообщить дочери, что вы разводитесь?

— Потом меня не будет рядом.

Анна насторожилась.

— Вы собираетесь уехать?

— Можно сказать и так. Навсегда.

— Если вы думаете причинить себе вред, я должна знать.

— Нет. Из семьи уйду не я.

В кабинете стало тихо.

— Что происходит с вашей женой?

— Лиза больна. Врач говорит, что лечение больше не помогает.

Михаил произнёс это ровно, только пальцы сжались до белизны.

Соня о прогнозе не знала. Елизавета запретила говорить и сама выбрала Анну, надеясь с её помощью провести последние месяцы как семья, ещё не знающая, что скоро перестанет существовать.

— Я не могу помогать вам обманывать ребёнка.

— Я знал, что вы так ответите.

— Но готова встретиться с вашей женой. Дочери необходимо время, чтобы попрощаться.

— Попробуйте убедить в этом Лизу. Она придёт завтра в шесть.

— Вы уже назначили встречу без согласования?

— Лиза сказала, что после разговора со мной вы захотите её увидеть.

У двери Михаил добавил:

— Она выбрала вас не случайно. Лучше спросите у неё почему.

После его ухода Анна нашла в интернете фотографию Соколовых. Лиза улыбалась рядом с мужем, а между ними стояла серьёзная светловолосая девочка.

Пришло сообщение с неизвестного номера: «Меня зовут Елизавета Соколова. Мне очень нужно встретиться с вами. Не ради меня. Ради семьи, которая останется после меня».

Анна ещё могла отказаться, но ответила: «Завтра. В восемнадцать часов».

«Спасибо. Я знала, что вы согласитесь».

Тогда Анна ещё не понимала главного: Елизавета искала не просто психолога, который поможет семье пережить её смерть.

Она искала женщину, которая займёт её место.

Глава 2. Женщина, которая всё решила

На следующий день Елизавета Соколова пришла без опоздания.

Анна узнала её ещё за стеклянной дверью приёмной. На фотографии, найденной вечером, Лиза выглядела ярче: светлые волосы, открытая улыбка, тёмно-зелёное платье. Сейчас на ней было простое серое пальто, а под глазами лежали тени, которые не мог скрыть тональный крем.

Она не походила на умирающую. Именно это первым заметила Анна и тут же рассердилась на себя. Будто смертельная болезнь обязана была предъявлять документы при входе.

— Спасибо, что согласились меня принять.

— Садитесь, Елизавета.

Лиза сняла пальто. Двигалась она осторожно, экономя силы, но отказалась от помощи и сама повесила его на спинку стула.

— Михаил рассказал вам главное?

— Он сказал, что лечение больше не помогает. И что вы хотите скрывать это от дочери.

— Не скрывать. Отложить разговор.

— До какого момента?

— Пока у Сони не останется хотя бы несколько месяцев нормальной жизни.

Анна положила ладони на блокнот.

— Нормальной для кого?

Лиза улыбнулась. Не обиженно — почти одобчительно.

— Поэтому я выбрала вас.

— Михаил повторил эту фразу. Объясните.

— Я прочитала ваши статьи. Посмотрела несколько выступлений. Вы не обещаете людям, что боли не будет. Вы учите их не превращать боль в единственное содержание жизни.

— В интернете достаточно специалистов с теми же взглядами.

— Но не все знают, каково это — потерять семью и продолжать работать с чужими.

Анна почувствовала холод.

— Что вам известно обо мне?

— Вы развелись девять лет назад. Ваша дочь осталась жить с вами, потом начала всё чаще бывать у отца. Муж женился повторно. Вы не присутствовали на свадьбе, но убедили Полину пойти.

— Это не относится к моей профессиональной биографии.

— Я знаю.

— Тогда откуда сведения?

— Мы с вашей дочерью знакомы.

Анна выпрямилась.

— Откуда?

— Полина проходила практику в благотворительном фонде, которому помогает наше бюро. Мы разговаривали всего несколько раз. О вас она отзывалась с любовью. И с обидой.

— Вы обсуждали меня с моим ребёнком, а потом решили нанять?

— Нет. Сначала я узнала вас как специалиста. Имя показалось знакомым, и только потом вспомнила Полину.

— Это должно меня успокоить?

Лиза опустила глаза.

— Наверное, нет. Простите. Когда человеку говорят, что у него осталось несколько месяцев, он начинает обращаться с чужими границами так, словно времени на вежливость больше нет.

— Сколько именно вам осталось?

— Врач не даёт точных сроков. Может быть, полгода. Может, меньше.

Слова прозвучали буднично. Будто речь шла о времени до окончания аренды.

— Как давно вы знаете?

— О болезни — почти два года. О том, что лечение не помогает, — три недели.

— Михаил?

— Знает всё.

— А Соня думает, что вы здоровы?

— Она знает, что я лечусь. Но уверена, что мне станет лучше.

— Вы позволяете ей строить будущее, в котором вы выздоровеете.

— А вы предлагаете отнять у неё настоящее.

В голосе Лизы впервые появилась резкость.

— После правды каждое наше действие изменится. Если я засну днём, Соня будет проверять, дышу ли я. Если не доем ужин — побежит за отцом. Она перестанет смеяться рядом со мной, потому что ей покажется неприличным быть счастливой.

— Возможно. Но она получит право задавать вопросы и прощаться.

— Я не хочу, чтобы моя дочь прощалась со мной, пока я жива.

Анна выдержала паузу.

— Тогда зачем вам я?

Лиза посмотрела прямо на неё.

— Помогите нам прожить до весны. Не как пациентке, вдовцу и будущей сироте. Как семье.

— А весной?

— Весной мы скажем Соне правду. Если придётся — раньше. Я не прошу лгать до последнего дня.

— Михаил согласен?

— Нет. Но согласится, если вы будете рядом.

— Вы снова решаете за него.

— Кто-то должен принимать решения, пока он занят тем, что боится меня потерять.

В этой фразе было столько нежности, что Анне стало трудно сохранять профессиональную отстранённость.

Лиза достала из сумки тонкую синюю папку.

— Здесь наши семейные даты, привычки Сони, контакты врачей и список того, что я хочу успеть.

— Вы составили план собственной смерти?

— Нет. План оставшейся жизни.

Анна не прикоснулась к папке.

— Я не обещаю принять ваши условия.

— Прочитайте. Потом откажетесь.

— Почему именно до весны?

— В апреле Соне исполнится тринадцать. Я обещала показать ей город, где познакомилась с Мишей. Хочу выполнить обещание.

Лиза встала. На мгновение качнулась и схватилась за край стола. Анна тоже поднялась, но женщина уже выпрямилась.

— Всё в порядке. После вчерашней процедуры бывает слабость.

— Вам нельзя быть одной.

— Михаил ждёт внизу. Я запретила ему подниматься.

— Разумеется, запретили.

Лиза неожиданно рассмеялась.

— Вы уже начинаете меня не любить. Это хорошо.

— Почему?

— Значит, вам будет легче не жалеть меня.

У двери она задержалась.

— В папке есть ещё одно письмо. Его пока не открывайте.

— Для кого оно?

— Для вас.

Когда Лиза ушла, Анна открыла папку. На первой странице стоял заголовок: «Последняя зима нашей семьи».

Ниже аккуратным почерком были перечислены простые вещи: испечь печенье, выбрать ёлку, научить Соню готовить яблочный пирог, разобрать семейные фотографии, съездить к морю.

В самом конце лежал запечатанный конверт.

На нём было написано: «Анне. Открыть, когда вы полюбите их обоих».

Анна перевернула конверт. На обратной стороне стояла дата — первое ноября, за три недели до их знакомства. Значит, Лиза написала письмо ещё до того, как Михаил вошёл в этот кабинет.

Она снова раскрыла папку. Между списком семейных дел и медицинскими выписками лежали фотографии. На первой Михаил держал новорождённую Соню, неловко поддерживая крошечную голову. На второй девочка в жёлтом дождевике прыгала по луже, а Лиза смеялась, не замечая брызг на белом пальто. На третьей все трое сидели на полу среди коробок: очевидно, в день переезда.

Анна не любила фотографии в клиентских папках. Они заставляли видеть не проблему, а целую жизнь до неё.

Она вспомнила вопрос о желанности ребёнка и ответ Лизы: Соню ждали шесть лет, пережив две неудачные беременности. Михаил трое суток почти не выпускал новорождённую из рук, боясь, что девочка исчезнет, если он положит её в кроватку.

Теперь Лиза боялась другого исчезновения.

Телефон Анны зазвонил. Это была Полина.

— Ты занята?

— Уже нет.

— Я хотела забрать синюю спортивную форму. Можно заехать?

— Конечно. Я буду дома через час.

— Мам, не покупай ничего к ужину. Я ненадолго.

Слово «ненадолго» отозвалось неожиданной болью.

Дома Полина сидела на кухне и ела йогурт прямо из баночки. Она уже нашла форму и сложила её в пакет.

— Ты знаешь Елизавету Соколову? — спросила Анна.

Дочь замерла с ложкой в руке.

— Она всё-таки пришла к тебе?

— Почему ты не предупредила?

— Лиза просила не говорить. Сказала, что иначе ты заранее откажешься.

— И ты согласилась участвовать в этом?

— Я ничего не делала. Она спросила, хороший ли ты психолог. Я ответила, что другим людям ты помогаешь лучше, чем себе.

— Спасибо за рекомендацию.

Полина поставила баночку на стол.

— Она однажды помогла мне. На практике руководитель приглашал меня после работы «обсудить карьеру». Лиза услышала и так спокойно объяснила ему последствия, что он перестал приближаться ко мне.

— Почему ты не рассказала?

— Ты заставила бы меня уйти.

— Возможно.

— Вот именно. Ты всегда решаешь, что для меня безопаснее.

Анна села напротив.

— Что ещё ты ей обо мне рассказывала?

— Почти ничего. Только про папу. Про то, как ты сначала не хотела отпускать меня к нему, а потом вдруг начала настаивать, чтобы я ездила.

— Ты до сих пор сердишься?

— Иногда сержусь, что не отпускала. Иногда — что отпустила. Можно чувствовать и то и другое.

Анна хотела объяснить, почему тогда поступила именно так. Но любая версия прозвучала бы попыткой исправить чувства дочери.

— Можно, — согласилась она.

Полина посмотрела удивлённо.

— Ты не будешь спорить?

— Сегодня нет.

— Тогда, может, останусь ночевать.

— Я буду рада.

— Только не спрашивай о зачёте.

— Договорились.

Позже, когда дочь уснула, Анна достала из сумки конверт Лизы. Ей стало понятнее, почему та выбрала именно её: не из-за безупречной профессиональной репутации, а из-за ошибок, которые Анна совершила как жена и мать.

Она заперла письмо в нижнем ящике стола.

Но до утра не могла избавиться от мысли, что, соглашаясь помочь Лизе не распоряжаться будущим близких, сама снова учится отпускать собственного ребёнка.

Утром Полина нашла мать на кухне.

— Ты вообще спала?

— Немного.

— Из-за Лизы?

— Я не могу обсуждать клиентов.

— Я не спрашиваю о диагнозе. Спрашиваю о тебе.

Анна налила кофе и неожиданно рассказала дочери о первой встрече с Михаилом — без медицинских подробностей и имён, которые Полина и так знала. О человеке, пытающемся подготовиться к утрате, и женщине, составляющей будущее семьи.

— Это ужасно, — сказала Полина.

— Что именно?

— Умирать и понимать, что все продолжают жить. Наверное, хочется хотя бы выбрать, как именно.

— Но это их жизнь.

— А ты после развода не выбирала за папу, когда он может знакомить меня с новой женой?

— Выбирала. И ошибалась.

Полина подняла глаза. Анна редко произносила это без последующего «но».

— Лиза хорошая, мам. Только сейчас ей очень страшно. Не позволяй ей делать глупости, но не суди слишком быстро.

— Когда ты стала взрослее меня?

— Примерно вчера.

Они рассмеялись, и напряжение отступило.

У двери Полина обняла мать дольше обычного.

— Если бы ты умирала, я хотела бы знать.

— Я тоже.

— Нет, — сказала дочь. — Ты хотела бы защитить меня. А я хотела бы знать. Это разные вещи.

После её ухода Анна записала фразу в блокнот. Возможно, именно с неё следовало начать следующую встречу с Лизой.

Глава 3. Правила последней зимы

Анна не открыла письмо.

Она убрала конверт в нижний ящик стола и два дня убеждала себя, что не думает о семье Соколовых. Работала, отвечала на сообщения, провела три консультации. Но вечером возвращалась к синей папке.

Список Лизы был не про смерть. В нём не было ни завещания, ни распоряжений о похоронах. Только жизнь, разобранная на маленькие задачи.

В пятницу Михаил позвонил сам.

— Лиза сказала, вы согласились.

— Я сказала, что подумаю.

— В её переводе это означает согласие.

— Ваша жена часто слышит только то, что ей удобно?

— Последние пятнадцать лет.

В его голосе Анна впервые услышала улыбку.

— Мне нужно встретиться с вами обоими.

— Когда?

— В воскресенье. У вас дома.

Он помолчал.

— Почему дома?

— Я должна увидеть среду, в которой живёт Соня. И понять, как вы разговариваете друг с другом вне кабинета.

— Соня будет дома.

— Представьте меня семейным консультантом. Это не будет ложью.

Дом Соколовых стоял в тихом переулке недалеко от старого парка. Не особняк, которого Анна ожидала от известного архитектора, а двухэтажный кирпичный дом с большими окнами и деревянным крыльцом.

Дверь открыла девочка.

— Вы Анна?

— Да. А ты Соня?

— Папа сказал, что вы помогаете семьям не ссориться.

— Иногда.

— Тогда вы опоздали лет на двенадцать. Они почти не ссорятся.

Из глубины дома донёсся голос Михаила:

— Соня, пригласи человека войти.

— Я пригласила.

Она отступила, пропуская Анну. Соня была похожа на отца серьёзным взглядом и на мать — светлыми волосами. На ней висел огромный свитер, рукава закрывали пальцы.

В гостиной пахло корицей. Лиза сидела у окна, укрытая пледом. Увидев Анну, попыталась подняться.

— Не надо, — сказала Анна.

— Я не привыкла принимать гостей лёжа.

— А я не гость.

Михаил появился с подносом. Дома он выглядел моложе: джинсы, тёмная рубашка, расчёсанные волосы. Он поставил чашки и незаметно поправил плед на коленях жены. Лиза привычно коснулась его запястья.

Эти двое не готовились расстаться. Анна видела это в каждом движении.

— Почему вам понадобился семейный консультант? — спросила Соня.

Лиза взглянула на мужа.

— Последний год был тяжёлым. Мы решили научиться говорить о сложных вещах.

— О твоей болезни?

— В том числе.

— Ты опять поедешь в больницу?

— Возможно.

Соня поджала губы. Лиза протянула руку, но дочь сделала вид, что не заметила.

— Мне нужно делать уроки.

Она ушла наверх. Через несколько секунд хлопнула дверь.

— Она уже всё чувствует, — тихо сказала Анна.

— Знаю, — ответил Михаил.

— Не начинайте, — попросила Лиза.

— Мы начнём именно с этого. До весны вы не сможете поддерживать иллюзию полного благополучия. Поэтому договоримся, что можно говорить Соне сейчас.

Анна достала блокнот.

Первое правило: не обещать выздоровления.

Второе: не отрицать плохое самочувствие, если Соня спрашивает.

Третье: не обсуждать прогноз за её спиной так, чтобы она могла услышать обрывки.

Четвёртое: у дочери должен появиться взрослый вне семьи, которому она сможет доверять.

— Вы? — спросил Михаил.

— Нет. Пока я связана с вами профессионально. Кто-нибудь из родственников, школьный психолог, близкий друг.

— Моя сестра, — сказала Лиза. — Ирина. Соня её любит.

— Хорошо. И последнее: если состояние резко ухудшится, разговор состоится немедленно.

Лиза долго смотрела на список.

— До Рождества никаких разговоров о смерти.

— Согласна, если врачи не скажут, что времени меньше.

Михаил подошёл к окну.

— Вы говорите так, будто подписываете договор.

— Потому что иначе вы оба будете менять правила каждый день.

— Я вообще не хотел этих правил.

— Ты хотел рассказать Соне всё в машине по дороге из клиники, — напомнила Лиза.

— Потому что больше не мог молчать.

— Тебе стало тяжело, и ты решил переложить тяжесть на ребёнка.

Он резко повернулся.

— А ты решила оставить меня одного с её ненавистью, когда она поймёт, сколько времени мы ей лгали.

В дверях появилась Соня.

— С чем вы мне лгали?

Трое взрослых замерли.

Лиза побледнела. Михаил сделал шаг к дочери, но Анна заговорила первой:

— Твои родители скрывали, что давно спорят о том, как провести Рождество.

Соня посмотрела на неё с недоверием.

— И из-за этого мама заплакала?

Только теперь Анна заметила слезу на щеке Лизы.

— Нет, — сказала Лиза. — Я плачу, потому что устала.

Это было правдой. Недостаточной, но правдой.

Соня подошла к матери и села рядом. Лиза обняла её, закрыв глаза.

Анна посмотрела на Михаила. Он стоял у окна, бессильный в собственном доме.

Позже он проводил Анну до калитки.

— Вы солгали ей, — сказал он.

— Я выиграла вам несколько дней. Не больше.

— Лиза будет довольна.

— А вы?

— Я уже не помню, что это значит.

С крыльца донёсся смех Сони. Михаил обернулся на звук, и его лицо изменилось.

Анна поняла: именно этот смех Лиза пыталась сохранить любой ценой.

— Ваша жена составила список, — сказала она. — Но это не значит, что вы обязаны жить по нему.

— Вы плохо знаете Лизу.

— А вы слишком привыкли ей уступать.

Он внимательно посмотрел на Анну.

— Почему мне кажется, что она пригласила вас не помогать нам, а спорить с ней вместо меня?

Анна вспомнила конверт в ящике.

— Возможно, именно поэтому она меня и выбрала.

В машине Анна записала первые наблюдения. Лиза принимала решения за всех. Михаил сопротивлялся только тогда, когда оставался без сил уступать. Соня понимала больше, чем родители предполагали, и уже училась скрывать страх, чтобы не причинять им лишней боли.

Последнее беспокоило сильнее всего.

Вечером Михаил прислал сообщение: «Спасибо, что не сказали ей правду в дверях».

Анна ответила: «Я выиграла вам несколько дней. Используйте их».

Через минуту он позвонил.

— Как именно?

— Решите с Лизой, что готовы сказать. Не только о диагнозе. Соне важно понимать, что изменится в её обычной жизни.

— Лиза хочет, чтобы ничего не менялось.

— Уже изменилось. Ваша дочь следит, сколько мать съела, прислушивается к разговорам и боится задавать вопросы.

Михаил долго молчал.

— Вчера я нашёл её у нашей спальни. Она сказала, что искала зарядку.

— Вы поверили?

— Хотел поверить.

— Что она делала на самом деле?

— Проверяла, дышит ли Лиза.

Он произнёс это шёпотом.

— Значит, ваша жена пытается предотвратить то, что уже происходит.

— Я знаю.

— Скажите это Лизе.

— Она обвинит меня в том, что я отнимаю у Сони последние спокойные недели.

— А вы обвиняете её в том, что она лишает дочь возможности попрощаться. Между вами идёт спор о том, кто причинит ребёнку меньшую боль. Но боли всё равно будет много.

— Тогда зачем вы нам?

— Чтобы боль не превратилась в одиночество.

На следующий день Лиза приехала в кабинет одна. В руках у неё была коробка с письмами.

— Для Сони, — объяснила она. — На каждый день рождения до тридцати лет.

— Вы хотите, чтобы я их хранила?

— Хотела попросить. Теперь сомневаюсь.

— Почему?

— После вчерашнего разговора поняла, что пытаюсь остаться в их жизни навсегда.

Анна взяла верхний конверт. «Соне. В день восемнадцатилетия».

— Что внутри?

— Совет не выходить замуж слишком рано. История о том, как мы с Мишей чуть не расстались перед свадьбой. И просьба надеть моё платье, если оно ей понравится.

— А если к восемнадцати она не захочет слышать о браке? Если будет любить женщину? Если возненавидит ваше платье?

Лиза слабо улыбнулась.

— Тогда письмо окажется ужасным.

— Не ужасным. Просто написанным для девочки, которой ещё не существует. Вы рискуете заставить будущую Соню соответствовать вашему воображению.

— Что же мне оставить?

— Себя. Воспоминания. Истории без указаний, какой она должна стать.

Они два часа перечитывали письма. Лиза вычёркивала советы, заменяла просьбы воспоминаниями, а несколько конвертов разорвала.

— Странно, — сказала она. — Я думала, подготовиться к смерти — значит всё предусмотреть.

— Иногда это значит признать, что после вас жизнь пойдёт не по вашему плану.

— Вы говорите о смерти или о материнстве?

— И о том и о другом.

Когда Лиза ушла, в коробке осталось двенадцать писем вместо семнадцати. Первое она решила отдать Соне сама — после честного разговора.

Анна записала в блокноте новое правило: не превращать прощание в инструкцию для оставшихся.

В воскресенье они впервые отправились гулять вчетвером. Лиза настояла на парке, хотя Михаил предлагал остаться дома. Она шла медленно, через каждые несколько минут останавливалась, будто рассматривала деревья. Анна понимала: на самом деле Лиза ждала, пока утихнет слабость.

Соня убежала к киоску за горячим шоколадом. Михаил хотел пойти следом, но Лиза удержала его.

— Ей двенадцать, она справится.

— Там очередь.

— Очередь редко нападает на детей.

Он остался, продолжая следить за дочерью.

— Вы оба не умеете отпускать, — заметила Анна.

— Вы умеете? — спросил Михаил.

— Учусь.

Лиза присела на скамью.

— Когда Соня была маленькой, Миша проверял каждую детскую площадку. Качели, болты, расстояние до дороги.

— Профессиональная деформация.

— Он однажды потребовал закрыть площадку в отеле, потому что горка стояла под неправильным углом.

— И был прав. Через неделю ребёнок сломал там руку.

Они спорили легко, привычно. На несколько минут болезнь отступила, и перед Анной снова была обыкновенная супружеская пара.

Соня принесла четыре стакана.

— Я не знала, какой любит Анна, поэтому взяла без сахара.

— Именно такой, — сказала Анна.

Лиза посмотрела на неё слишком внимательно. Анна сразу вспомнила конверт.

— Не надо, — тихо предупредила она.

— Я ничего не сказала.

— Иногда вы строите планы взглядом.

Лиза отвела глаза.

По дороге назад Соня шла рядом с Анной и рассказывала о школьном спектакле. Ей досталась роль дерева, потому что она отказалась играть мать главной героини.

— Почему отказалась?

— В конце мать умирает. Все решили, что мне будет неприятно.

— А ты?

— Я разозлилась, что они решили за меня. И всё равно отказалась.

Анна улыбнулась: право сделать тот же выбор самостоятельно действительно меняло всё.

Глава 4. Чужое Рождество

В декабре Анна стала бывать у Соколовых дважды в неделю.

Формально это называлось семейным сопровождением. На деле она помогала им делать то, что другие семьи совершали не задумываясь: выбирать ёлку, обсуждать подарки, договариваться, кто приготовит ужин.

Болезнь превратила каждую мелочь в решение.

Лиза хотела настоящую ель. Михаил настаивал на искусственной: запах хвои вызывал у неё тошноту после процедур. Они спорили десять минут, пока Соня не предложила купить маленькую живую ёлку для террасы, а в доме поставить старую искусственную.

— Семейный консультант нам больше не нужен, — заявила девочка. — Я всё решила.

— Боюсь, у меня оплачено ещё несколько встреч, — ответила Анна.

— Тогда можете помочь с гирляндой.

Соня всё чаще втягивала её в домашние дела. Просила оценить украшения, попробовать печенье, выбрать музыку. Анна понимала, что должна держать дистанцию, но в доме Соколовых дистанция постоянно исчезала.

Однажды Лиза уснула прямо за столом. Соня испугалась, однако Михаил спокойно перенёс жену на диван и объяснил, что после лекарств такое случается. Не пообещал, что всё хорошо. Не сказал, что бояться нечего.

Первое правило работало.

— Она умирает? — спросила Соня у Анны, когда родители вышли.

Вопрос прозвучал внезапно.

— Почему ты об этом думаешь?

— Потому что взрослые никогда не зовут семейного психолога, когда всё нормально.

— Твоя мама серьёзно больна.

— Я знаю. Но она умирает?

Анна не имела права раскрывать диагноз без согласия родителей. И не могла снова спрятаться за разговором о Рождестве.

— Этот вопрос нужно задать маме и папе.

— Значит, да.

— Это значит, что я не должна отвечать вместо них.

Соня отвернулась к окну.

— Все думают, что дети ничего не понимают. Мы просто быстро учимся не спрашивать.

Вечером Анна потребовала назначить разговор на следующий день.

— Вы обещали до Рождества, — напомнила Лиза.

— Я обещала при условии, что Соня не спросит прямо.

— Она спросила вас, не меня.

— Потому что боится вашего ответа.

Михаил молчал. Лиза посмотрела на него.

— Скажи хоть что-нибудь.

— Анна права.

— Конечно.

В комнате стало тихо.

— Что это значит? — спросил он.

— Ничего.

— Нет, Лиза. Последнее время ты произносишь «Анна права» так, словно именно ради этого её привела.

— Я привела её ради Сони.

— Тогда перестань использовать дочь как объяснение каждого своего решения.

Лиза встала слишком резко. Чашка упала на пол. Михаил успел подхватить жену, прежде чем она потеряла равновесие.

Несколько секунд они стояли, обнявшись. Лиза тяжело дышала, уткнувшись ему в плечо.

— Не смей, — прошептала она.

— Что?

— Не смей привыкать держать меня так, будто я уже падаю.

Михаил закрыл глаза.

Анна отвернулась. В такие мгновения присутствие постороннего человека становилось почти неприличным.

Разговор с Соней состоялся через два дня. Родители не назвали сроков, но сказали, что болезнь может победить. Соня не заплакала. Выслушала, спросила, продолжится ли лечение, и ушла в комнату.

Ночью она разбила все ёлочные игрушки, которые Лиза собирала с её рождения.

Анне позвонили в половине первого.

Когда она приехала, Соня сидела на кухонном полу среди осколков. На ладони была кровь. Михаил искал аптечку, Лиза стояла в дверях, держась за стену.

— Я не хочу ваших воспоминаний! — кричала Соня. — Не хочу последнюю ёлку, последний пирог и последнюю поездку! Вы всё заранее похоронили!

Лиза опустилась перед дочерью на колени.

— Я хотела подарить тебе хорошую зиму.

— А спросить меня ты не хотела?

— Боялась.

— Чего?

— Что ты начнёшь смотреть на меня так, как сейчас.

— Как?

— Будто меня уже нет.

Соня ударила мать кулаками в плечи. Михаил шагнул вперёд, но Анна остановила его.

Лиза обняла дочь и позволила ей бить себя, пока удары не стали слабее, а крик не превратился в рыдания.

Потом они долго сидели на полу.

Михаил перевязал Соне ладонь. Анна собрала крупные осколки. Среди них нашла маленького стеклянного ангела с отбитым крылом.

— Это первая игрушка Сони, — сказал Михаил.

— Можно склеить.

— След останется.

— Иногда след важнее целой вещи.

Он посмотрел на неё. Впервые между ними возникло что-то, чему не было места в профессиональных отношениях: узнавание чужой усталости.

Под утро Лиза уснула рядом с дочерью. Михаил проводил Анну в прихожую.

— Спасибо, что приехали.

— Вы справились бы сами.

— Не уверен.

Он помог ей надеть пальто. Его пальцы случайно коснулись её шеи, и Анна отступила быстрее, чем требовалось.

Михаил тоже убрал руку.

— Простите.

— Ничего.

Но по дороге домой Анна всё время чувствовала это короткое прикосновение.

А утром получила сообщение от Лизы:

«Теперь вы понимаете, почему я выбрала именно вас?»

Анна долго смотрела на экран, а затем написала:

«Нет. И мне всё меньше нравится этот вопрос».

Ответ пришёл сразу:

«Значит, скоро поймёте».

На следующий день Анна вернулась к Соколовым, чтобы помочь убрать оставшиеся осколки. Михаил возражал: он уже подмёл гостиную, но мелкие кусочки стекла находились под мебелью и блестели в щелях паркета.

Соня сидела на лестнице и молча наблюдала.

— Мама плачет из-за игрушек? — спросила она.

— Из-за тебя. Из-за себя. Из-за того, что не смогла защитить тебя от боли.

— А разве могла?

— Нет.

— Тогда почему взрослые всё время обещают невозможное?

— Потому что признать бессилие страшнее, чем солгать.

Соня спустилась и протянула коробку.

— Ангела можно склеить?

— Попробуем.

— Только не делайте вид, будто он будет как новый.

— Не буду.

Они нашли отбитое крыло под диваном. Анна очистила края, Соня держала детали. Белая линия склейки осталась заметной.

— Некрасиво, — сказала девочка.

— Можно выбросить.

— Нет. Пусть будет такой.

Лиза наблюдала из дверей. На ней был тонкий зелёный платок, который Михаил купил вместо тёплого шерстяного шарфа.

— Тебе холодно, — сказал он.

— Зато красиво.

Он принёс плед и молча укрыл её плечи. Лиза улыбнулась Анне: маленькая победа над превращением из женщины в пациентку.

Позже они пили чай на кухне. Соня потребовала рассказать правду обо всех ближайших обследованиях. Лиза пыталась смягчать ответы, но дочь каждый раз останавливала:

— Не «возможно, понадобится больница», а «может стать хуже». Я правильно поняла?

— Правильно, — отвечал Михаил.

— Не «лечение пока не даёт результата», а «лекарство не помогает»?

— Да.

Лиза сжимала чашку обеими руками.

— Соня, ты не обязана знать каждую подробность.

— А ты не обязана решать, какую правду я выдержу.

— Я твоя мать.

— Именно поэтому мне страшно спрашивать тебя.

Лиза закрыла глаза.

— Прости.

— Я пока не могу.

— Хорошо.

Это «хорошо» далось ей труднее всех прежних объяснений. Она позволила дочери не простить немедленно.

После чая Соня повесила склеенного ангела на нижнюю ветку ёлки.

— Почему так низко? — спросил Михаил.

— Чтобы было видно трещину.

Вечером Анна записала: семья впервые перестала изображать целое. И именно поэтому у неё появился шанс не рассыпаться окончательно.

Через два дня Соня принесла лист, разделённый на три колонки: «Что мы знаем», «Чего не знаем», «Что делаем сегодня». В первой она указала диагноз и лекарства. Во второй — сроки и результаты обследования. В третьей сначала ничего не было, а потом появилась строчка: «Печём новый пирог. Старый сгорел».

Лиза прочитала и заплакала.

— Я не хотела тебя расстраивать, — сказала Соня.

— Ты меня не расстроила. Я просто не знала, что ты умеешь быть такой сильной.

— Я не сильная. Мне страшно.

— Можно бояться и всё равно делать нужное.

Анна поняла, что эта фраза была нужна всем четверым.

За неделю до Рождества Михаил попросил Анну поговорить с ним отдельно. Они встретились в маленьком кафе возле клиники, пока Лиза проходила обследование.

— Она становится слабее, — сказал он. — Но при Соне изображает бодрость. Потом два часа не может встать.

— Вы обсуждали это с врачом?

— Да. Он предлагает паллиативную помощь на дому.

Михаил произнёс эти слова так, будто они означали капитуляцию.

— Это не отказ от Лизы.

— Знаю головой. Всё остальное во мне уверено, что я должен найти ещё одно лечение.

— А чего хочет она?

— Быть дома.

— Тогда ваша задача меняется. Не победить болезнь, а сделать её жизнь настолько полноценной, насколько возможно.

— Ненавижу выражение «насколько возможно».

— Потому что оно признаёт пределы.

Он смотрел на людей за соседними столиками. Молодая женщина сердилась на мужа из-за опоздания, пожилой мужчина разрезал булочку пополам и отдавал жене более ровную часть.

— Раньше я раздражался, когда Лиза звонила во время совещаний, — сказал Михаил. — Теперь отдал бы всё, чтобы она позвонила и спросила, купить ли молоко.

— После утраты вы будете вспоминать не только хорошее.

— Что это значит?

— Вы будете помнить раздражение, ссоры, минуты, когда хотели побыть один. И можете решить, что любили недостаточно.

— Разве не так?

— Достаточно любить человека — не значит каждую секунду быть счастливым рядом с ним.

Михаил медленно кивнул.

Когда Лиза вышла из клиники, он не бросился спрашивать результаты. Сначала помог ей надеть красивый зелёный платок, затем поцеловал в висок.

— Ну? — спросила она.

— Дома расскажешь. Соня ждёт нас с пирогом.

Лиза посмотрела на Анну и поняла, что произошло.

В тот день Михаил впервые выбрал не борьбу с будущей смертью, а сегодняшний вечер с женой.

Глава 5. Место за столом

После разговора о болезни Соня изменилась.

Она больше не спрашивала, станет ли матери лучше. Вместо этого требовала правду о каждом приёме у врача, читала названия препаратов и злилась, когда родители пытались говорить тише.

— Если это происходит со мной, обсуждайте при мне, — заявила она.

Лиза хотела возразить, но Михаил поддержал дочь.

Анна наблюдала, как прежнее устройство семьи рушится и на его месте возникает другое — менее удобное, зато честное.

За три дня до Рождества Лизу увезли в больницу.

Михаил позвонил Анне утром.

— Соня отказалась идти в школу. Я должен быть в клинике.

— Позвоните Ирине.

— Она за городом.

— Я не могу заменять родственников.

— Я знаю. Забудьте, что позвонил.

Он отключился.

Через сорок минут Анна стояла у их двери.

Соня впустила её молча.

— Папа просил вас приехать?

— Нет. Я сама решила.

— Мама говорит, что вы никогда ничего не делаете просто так.

— Твоя мама слишком много говорит обо мне.

Они приготовили чай. Соня не притронулась к завтраку.

— Она вернётся к Рождеству?

— Не знаю.

— Хороший ответ. Наконец-то никто ничего не обещает.

В полдень Михаил написал, что состояние стабилизировали. Соня прочитала сообщение и впервые за утро заплакала.

— Я вчера пожелала, чтобы она умерла скорее, — призналась она. — Потому что устала бояться. Теперь это случится из-за меня.

Анна села рядом.

— Мысли не убивают людей.

— Откуда вы знаете?

— Потому что когда-то я желала, чтобы мой муж исчез из моей жизни. Он не исчез. Просто ушёл к другой женщине.

— Вы его любили?

— Да.

— А теперь?

— Теперь люблю то хорошее, что у нас было. И больше не хочу возвращать плохое.

Соня задумалась.

— Мама хочет, чтобы папа потом женился.

Анна почувствовала, как напряглись плечи.

— Почему ты так решила?

— Слышала, как она говорила тёте Ирине. Что он не умеет быть один.

— Это ещё не значит, что она выбрала ему жену.

Соня посмотрела на неё слишком внимательно.

— Вы правда не понимаете?

В этот момент хлопнула входная дверь. Михаил вернулся раньше, чем они ожидали.

— Лизу оставят до завтра, — сказал он. — Но опасности сейчас нет.

Соня бросилась к отцу. Он обнял её, а поверх её головы посмотрел на Анну.

В его взгляде были благодарность и вопрос.

Анна уехала, прежде чем им пришлось обсуждать её присутствие.

Лизу выписали в сочельник. Она была бледной и почти не вставала, но настояла на общем ужине. За столом стояли четыре тарелки.

— Почему четыре? — спросила Анна, приехавшая передать Соне восстановленного стеклянного ангела.

— Вы останетесь, — сказала Лиза.

— Нет. Это семейный вечер.

— Именно поэтому.

Анна посмотрела на Михаила. Он явно не знал о приглашении.

— Лиза, не ставь человека в неудобное положение.

— Она уже два месяца находится в неудобном положении. Один ужин ничего не изменит.

— Изменит, — тихо сказала Соня.

Все повернулись к ней.

— Анна сядет на мамино место.

— Моё место рядом с папой, — ответила Лиза. — А тарелка стоит напротив.

— Не сегодня. Потом.

Лиза побледнела сильнее.

— Соня...

— Я знаю, зачем ты её привела.

Михаил медленно положил салфетку на стол.

— О чём она говорит?

— Ни о чём, — быстро произнесла Лиза.

— Мама выбирает тебе новую жену.

Тишина стала почти осязаемой.

Анна поднялась.

— Мне нужно уйти.

— Нет, — сказал Михаил. — Теперь никто не уйдёт, пока Лиза не объяснит.

Лиза закрыла глаза.

— Я не выбираю тебе жену.

— Тогда что ты делаешь?

— Пытаюсь убедиться, что после меня вы не останетесь одни.

— Для этого ты нашла Анну?

— Я нашла человека, которому могла бы доверить Соню.

— Соня не вещь, которую можно передать.

— Я знаю!

Лиза ударила ладонью по столу и тут же согнулась от боли. Михаил машинально протянул к ней руку, но она отстранилась.

— Я знаю, — повторила тише. — Но каждую ночь думаю, кто заплетёт ей волосы перед школьным праздником. Кто заметит, что она врёт, когда говорит, будто всё хорошо. Кто заставит тебя есть, когда ты забудешь. Я скоро исчезну, а вы оба ведёте себя так, словно любовь ко мне запретит вам любить кого-то ещё.

— Ты не имеешь права распоряжаться нашим будущим, — сказал Михаил.

— А смерть имеет?

Соня выбежала из комнаты.

Анна хотела пойти за ней, но остановилась. Это было не её право.

— Вы использовали меня, — сказала она.

Лиза посмотрела без попытки оправдаться.

— Да.

— И мою дочь. Вы узнали обо мне через Полину.

— Да.

— Вы решили, что женщина с неудавшимся браком подойдёт вашему мужу?

— Я решила, что женщина, которая смогла отпустить дочь к отцу, не станет отнимать Соню у моей памяти.

Михаил резко встал.

— Довольно.

— Миша...

— Ты пригласила в наш дом незнакомого человека и заставила его прожить с нами твоё прощание. Ты втянула Соню. А теперь хочешь, чтобы мы были благодарны за предусмотрительность?

— Я хочу, чтобы вы жили.

— Мы ещё живы, Лиза. Все трое. А ты уже распределила наши места после своих похорон.

Он вышел вслед за дочерью.

Лиза осталась сидеть во главе праздничного стола. Перед ней горели свечи, остывал ужин и стояла четвёртая тарелка.

— Уходите, — сказала она Анне.

— Вы уверены?

— Нет. Но хотя бы одно решение сегодня должно принадлежать не мне.

Анна надела пальто. Уже у двери Лиза окликнула её:

— Письмо всё ещё у вас?

— Да.

— Не открывайте.

— Не собиралась.

— Анна... Я правда не хотела заставить вас полюбить Михаила.

— А чего вы хотели?

Лиза посмотрела на пустое место напротив.

— Чтобы однажды вам не пришлось выбирать между любовью к нему и чувством вины передо мной.

На улице шёл снег. В окнах соседних домов двигались люди, накрывали столы, зажигали гирлянды. Чужие семьи праздновали Рождество, не зная, сколько таких вечеров им осталось.

Анна села в машину, но не завела двигатель.

Телефон завибрировал. Михаил написал:

«Простите. Я ничего не знал».

Она ответила:

«Я верю».

Через минуту пришло новое сообщение:

«Это не должно было случиться».

Анна посмотрела на освещённое окно второго этажа. За занавеской появилась фигура Сони, затем рядом встал Михаил.

Она набрала ответ и долго не решалась отправить:

«Но уже случилось».

Нажав кнопку, Анна поняла, что говорит не только о сегодняшнем разговоре.

Место за их столом действительно появилось.

И теперь каждый из них боялся, что однажды оно будет принадлежать ей.

На следующее утро Михаил приехал в кабинет без записи.

— Лиза просила дать ей два дня, — напомнила Анна.

— Я пришёл не от её имени.

Он выглядел так, словно не спал. Сел в то же кресло, что при первой встрече, но теперь не пытался сохранять деловой вид.

— Я должен был догадаться, — сказал он. — Она расспрашивала о вас. Предлагала пригласить на ужин. Однажды спросила, считаю ли я вас красивой.

— Что вы ответили?

— Что это неуместный вопрос.

— Разумно.

— А потом весь вечер думал, почему не ответил просто «нет».

Анна положила ручку на стол.

— Михаил, сейчас вы уязвимы. Я работаю с вашей семьёй. Любые чувства, возникающие в такой ситуации, нельзя принимать за свободный выбор.

— Я не говорю о чувствах.

— Тогда зачем пришли?

— Попросить вас не уходить из-за Лизиного плана. Соня впервые говорит с нами честно. Если вы исчезнете, она решит, что мать снова всё разрушила.

— Возможно, мне придётся передать вашу семью другому специалисту.

— Потому что Лиза решила выдать вас за меня замуж?

Несмотря на напряжение, Анна едва не улыбнулась.

— Потому что профессиональные границы уже нарушены.

— Не нами.

— Границе всё равно, кто сделал первый шаг.

Он провёл ладонью по лицу.

— Вчера Соня спросила, люблю ли я маму. Я ответил, что больше жизни. Тогда она сказала: «Значит, после неё у тебя жизни не будет».

— И что вы сказали?

— Ничего.

— Это и есть ответ, который пугает Лизу.

— Она не имеет права назначать мне другую жизнь.

— Не имеет. Но вы обязаны признать, что сами отказываетесь её представлять.

Михаил посмотрел в окно.

— Когда-то я проектировал дом для семьи, потерявшей ребёнка. Они потребовали оставить детскую нетронутой. Через год весь дом строился вокруг закрытой комнаты. Каждый коридор к ней приводил. Тогда я понял, что отсутствие тоже может стать центром здания.

— Вы боитесь, что Лиза станет центром вашей жизни после смерти?

— Я боюсь, что если перестану любить её болью, то предам.

— Любовь и боль — не одно и то же.

— Сейчас я не вижу разницы.

Анна долго молчала.

— Я проведу общую встречу. Но поставлю условие: Елизавета отказывается от любых попыток устроить ваше будущее. Вы не обсуждаете со мной возможные отношения. Соня знает, что я не заменяю мать. Если хотя бы одно правило нарушается, я ухожу.

— Согласен.

— Вы не можете соглашаться за жену и дочь.

Он горько усмехнулся.

— Похоже, я тоже научился решать за семью.

У двери Михаил остановился.

— На вопрос Лизы я всё-таки ответил.

— Какой?

— Я сказал, что вы красивая. Но это ничего не меняет.

Когда дверь закрылась, Анна поняла, что именно такие слова обычно меняют всё.

Она достала из ящика запечатанное письмо. «Открыть, когда вы полюбите их обоих».

Теперь надпись уже не казалась нелепой.

Она казалась опасной.

Общая встреча состоялась через два дня. Соня села отдельно от родителей и сразу объявила:

— Если Анна останется, мама больше не имеет права устраивать её личную жизнь.

— Согласна, — сказала Лиза.

— И папину.

— Согласна.

— И мою.

Лиза попыталась улыбнуться.

— До шестнадцати лет оставляю за собой несколько полномочий.

— Мама.

— Хорошо. Буду обсуждать.

Михаил достал сложенный лист.

— Я тоже написал правила. Не работаю после девяти вечера. Не ищу новые клиники без согласия Лизы. Один вечер в неделю мы проводим не обсуждая болезнь.

— И не следишь, сколько я съела, — добавила жена.

— Это не обещаю.

— Тогда хотя бы не считай вслух.

Соня впервые после сочельника рассмеялась.

Анна наблюдала, как семья заново договаривается о праве каждого на собственный страх. Им ещё предстояло много тяжёлых разговоров, но теперь ни один человек не должен был нести всё молча.

После встречи Лиза задержалась.

— Вы сердитесь?

— Да.

— Останетесь?

— Пока это полезно Соне.

— Только Соне?

— Не задавайте вопросов, ответы на которые хотите придумать сами.

Лиза кивнула.

— Письмо уничтожить?

Анна подумала о запечатанном конверте.

— Нет. Пусть остаётся закрытым.

— Почему?

— Потому что теперь это напоминание не о вашем плане, а о границе, которую нельзя переходить.

Лиза надела пальто и вдруг сказала:

— Я начинаю ревновать.

— К кому?

— К вам. Пока это было только замыслом, всё казалось благородным. А теперь вижу, как Михаил прислушивается к вашим словам, как Соня ждёт вашего прихода. И мне хочется выгнать вас из нашей жизни.

— Это естественно.

— Ничего естественного в желании одновременно привести женщину к мужу и ненавидеть её нет.

— Есть. Вы не схема, Лиза. Вы живой человек.

На глазах женщины появились слёзы.

— Пока ещё живой.

— Именно. Поэтому перестаньте репетировать собственное отсутствие.

Лиза ушла, а Анна впервые ясно увидела главный конфликт: Елизавета хотела обеспечить семье будущее, но не была готова уступить ему ни одного дня своего настоящего.

Глава 6. Право ревновать

После рождественского ужина Елизавета три дня не звонила Анне.

Михаил присылал короткие сообщения о состоянии жены, Соня однажды отправила фотографию склеенного ангела, но Лиза молчала. Анна понимала: это не случайная пауза. Женщина проверяла, сможет ли снова закрыть двери своей семьи.

На четвёртый день она появилась в кабинете без синей папки.

— Я хочу прекратить наши встречи.

— Это ваше решение или семьи?

— Моё.

— Тогда его недостаточно.

Лиза села напротив. Сегодня она выглядела лучше: лёгкий макияж, зелёный платок, серьги. Только пальцы постоянно теребили ремешок сумки.

— Вы говорили, что уйдёте, если нарушатся границы.

— Границы нарушили вы. Но последствия затронули всех. Поэтому прекращение работы мы обсудим вместе.

— Соня привязалась к вам.

— Именно поэтому я не могу исчезнуть без объяснения.

— А Михаил?

— Что Михаил?

— Он тоже привязался?

Анна выдержала её взгляд.

— Это вопрос не психологу.

— Тогда ответьте как женщина.

— В этом кабинете я не могу быть для вас просто женщиной.

— Удобно.

— Безопасно. В том числе для вас.

Лиза отвернулась к окну.

— Когда я выбирала вас, всё казалось разумным. Я изучала ваши выступления, спрашивала Полину, представляла, как вы однажды войдёте в этот дом уже без меня. Это было почти красивое кино. Я — великодушная умирающая жена, вы — одинокая женщина с добрым сердцем, Миша — человек, которого нужно спасти. А потом увидела, как он смотрит на вас.

— Как?

— Спокойно. Со мной он давно не бывает спокойным. Следит, не побледнела ли я, не устала, не забыла таблетку. Даже когда улыбается, в глазах страх. А рядом с вами он иногда просто мужчина.

— Это не любовь.

— Пока нет.

Анна почувствовала раздражение.

— Вы снова пишете будущее за других.

— Знаю. Но теперь это будущее мне не нравится.

— Вы имеете право ревновать.

— К женщине, которую сама привела?

— Ревность не обязана быть логичной.

Лиза усмехнулась.

— Хотите сказать, я нормальная?

— Хочу сказать, что вы живая.

Слова заставили её замереть.

— Все последнее время говорят со мной так, будто я уже стала воспоминанием. Спасибо.

— Но право на ревность не даёт права управлять Михаилом или мной.

— А если попрошу вас никогда не встречаться с ним после моей смерти?

— Я не стану давать обещание о жизни, которой ещё нет.

— Честно.

— Жестоко?

— Нет. Жестоко было бы пообещать, а потом нарушить.

Они договорились о семейной встрече. Перед уходом Лиза достала из сумки красную помаду и подкрасила губы, глядя в маленькое зеркало.

— Сегодня у нас с Мишей свидание.

— Хорошая идея.

— Моя или ваша?

— Ваша.

— Тогда почему я чувствую, будто соревнуюсь с вами?

— Потому что вы превратили меня в участницу соревнования, о котором никто больше не знал.

Лиза закрыла помаду.

— Я исправлю.

Вечером Михаил отвёз жену в ресторан, где они отмечали десятую годовщину свадьбы. Соня осталась у Ирины. Анна знала об этом только потому, что Лиза прислала фотографию: свеча, две руки на белой скатерти, его обручальное кольцо рядом с её тонкими пальцами.

Под снимком было написано: «Сегодня он снова смотрел на меня, а не на болезнь».

Через час пришло второе сообщение: «Мне стало плохо. Мы едем в больницу. Пожалуйста, побудьте с Соней».

Анна нашла девочку у окна в квартире Ирины. Та уже знала, что произошло.

— Они не должны были идти в ресторан, — сказала Соня. — Мама устала ещё днём.

— Она хотела провести вечер с отцом.

— Теперь папа будет винить себя.

— Это его чувство. Тебе не нужно спасать его заранее.

— Все только и говорят, что мне не нужно. А что мне можно?

Анна села рядом.

— Бояться. Злиться. Спрашивать. Спать, даже когда мама в больнице. Смеяться, если смешно.

— А пожелать, чтобы всё закончилось?

— И это можно почувствовать. Но не обязательно оставаться с этим одной.

Они ждали до двух часов ночи. Ирина ходила между комнатами, готовила чай, звонила Михаилу. Наконец пришло сообщение: Лизу оставили под наблюдением, непосредственной опасности нет.

Соня уснула на диване, сжимая телефон.

Утром Михаил приехал за дочерью. Увидев Анну, остановился.

— Я не просил вас приезжать.

— Попросила Лиза.

— Разумеется.

Он выглядел измученным. На рубашке осталось пятно от кофе, щетина потемнела.

— Как она?

— Спит. Врачи говорят, кризис прошёл.

— А вы?

— Не знаю.

Ирина увела проснувшуюся Соню собирать вещи. Михаил остался в коридоре с Анной.

— Вчера Лиза сказала, что это было наше последнее свидание.

— Почему последнее?

— Она не хочет, чтобы я снова испугался.

— А вы?

— Я испугаюсь в любом месте. Дома, в ресторане, в машине. Но хотя бы вчера она была счастлива.

Он говорил о жене, а смотрел на Анну. Не с нежностью — с доверием, которое было опаснее.

— Михаил, нам нужно соблюдать дистанцию.

— Я стою в двух метрах.

— Вы понимаете, о чём я.

— Понимаю. Но не знаю, как говорить с человеком, который видел нашу семью изнутри, и делать вид, что он посторонний.

— Я не посторонняя. Я ваш психолог.

— Иногда мне кажется, что Лиза выбрала вас именно потому, что знала: этого будет недостаточно.

Анна ничего не ответила.

В больнице Лиза встретила мужа вопросом:

— Анна была у Сони?

— Была.

— Хорошо.

— Нет, Лиза. Не хорошо. Ты звонишь ей вместо меня, зовёшь в нашу семью, а потом ревнуешь, когда она приходит.

Анна узнала об этом разговоре позже, на общей встрече.

— Я не умею иначе, — призналась Лиза. — Когда мне страшно, я строю план. Когда план начинает работать, мне становится ещё страшнее.

— Тогда мы отменяем план, — сказал Михаил.

— А если я умру завтра?

— Тогда послезавтра мы сами решим, как жить.

Соня сидела между ними и держала каждого за руку.

— Мама, ты можешь просто быть моей мамой? Не бывшей и не будущей. Сегодняшней.

Лиза заплакала.

В тот вечер они впервые вычеркнули пункт из списка не потому, что выполнили его. Весеннюю поездку решили больше не считать обязательной.

И Анна поняла: иногда любовь проявляется не в исполнении последней воли, а в разрешении человеку передумать.

На следующий день Соня попросила мать сжечь первоначальный список.

— Почему? — удивилась Лиза. — Там остались хорошие вещи.

— Тогда перепишем хорошие. Без слова «последний».

Они разложили листы на кухонном столе. «Последняя семейная поездка» превратилась в «Поездку, если мама сможет». «Последнее Рождество» Соня перечеркнула особенно жирно и написала сверху: «Наше Рождество». Пункт «Познакомить Анну с семейными традициями» Лиза вычеркнула сама.

— Почему убрала? — спросила Соня.

— Потому что это было нечестно по отношению ко всем.

— Но Анна уже знает традиции.

— Знать и становиться частью семьи — разные вещи.

Михаил стоял у раковины, вытирая тарелки. Он не вмешивался, но Анна видела по напряжённой спине: разговор давался ему нелегко.

— А что будет с письмами? — спросила Соня.

— Отдам тебе те, которые успею переписать. Остальные сможет уничтожить папа.

— Почему уничтожить?

— Потому что я писала их для придуманной тебя. А ты настоящая и имеешь право стать другой.

Соня долго молчала, затем взяла чистый лист.

— Тогда я тоже напишу тебе письмо.

— Зачем?

— Чтобы ты знала, какой я сейчас. Вдруг там всё забывается.

Лиза отвернулась. Михаил положил полотенце и вышел на террасу.

Анна последовала за ним.

— Вы не обязаны скрываться, когда плачете.

— Я не плачу.

— Конечно.

Он провёл рукой по глазам.

— Соня пишет письмо мёртвой матери, а мы называем это полезным упражнением.

— Она пишет живой матери о себе. Это важное различие.

— Вы всегда находите различия, которые делают невыносимое терпимым?

— Это моя работа.

— А когда работа закончится?

— Вам придётся находить их самому.

Михаил посмотрел через стекло на жену и дочь. Лиза что-то говорила, Соня записывала.

— Я не хочу, чтобы вы уходили, — сказал он.

— Сейчас не время это обсуждать.

— А когда будет время?

— Возможно, никогда.

Он кивнул и вернулся в кухню.

Вечером Соня прочитала матери своё письмо. Там были школьные сплетни, признание, что она ненавидит овсяную кашу, и просьба не бояться за них слишком сильно.

Последняя строчка звучала: «Мы не будем счастливы без тебя. Но когда-нибудь снова станем счастливыми, и это не будет значить, что мы забыли».

Лиза попросила прочитать её ещё раз.

Потом сложила старый список в металлическую миску и подожгла. Михаил открыл окно, Соня держала стакан воды, Анна наблюдала, как превращается в пепел план будущего, которого никто не мог гарантировать.

— Стало легче? — спросила Анна.

— Нет, — ответила Лиза. — Но теперь страшно честнее.

В воскресенье семья впервые пригласила Ирину на общую встречу. Сестра Лизы не доверяла психологам и считала, что Соне полезнее больше учиться, чем обсуждать страхи.

— Когда умерла наша мама, мы справились без специалистов, — сказала она.

— Ты три года не могла заходить в её квартиру, — напомнила Лиза.

Ирина нахмурилась, но достала блокнот. Анна объяснила: не заменять мать, не превращать Соню в помощницу отца, сохранять привычный распорядок и позволять девочке говорить о Лизе столько, сколько понадобится.

— А если она не захочет говорить?

— Быть рядом без требований.

Ирина предложила подготовить для Сони комнату у неё дома — место, куда можно уйти, когда отцу станет слишком трудно. Соня сама выбрала цвет стен и лампу в форме луны.

В машине Лиза плакала.

— Я помогаю строить дом, куда меня не пригласят.

— Вас пригласят в воспоминаниях Сони.

— А если мне этого мало?

— Тогда придётся признать: смерть отнимает право присутствовать. Ни один план этого не исправит.

Лиза долго молчала, потом попросила остановиться у магазина и купила дочери выбранную лампу.

— Это снова управление будущим? — спросила она.

— Нет. Подарок можно принять, передарить или убрать. План требует подчиниться.

— Значит, я учусь.

Глава 7. День без болезни

В январе Соколовы ввели новое правило: каждую субботу до шести вечера не говорить о болезни.

Не обсуждать врачей, анализы, лекарства и прогнозы. Если Лизе становилось плохо, они называли это усталостью и делали необходимое без долгих разговоров. Правило было несовершенным, но возвращало им несколько часов обычной жизни.

В первую такую субботу Соня предложила поехать на каток.

Михаил отказался сразу:

— Маме нельзя мёрзнуть.

— Я не собираюсь кататься, — сказала Лиза. — Буду сидеть в кафе и смеяться, как вы падаете.

— Я не падаю.

— В прошлом году ты снёс двух детей и рекламный щит.

— Щит стоял неправильно.

Соня позвонила Анне и пригласила её без ведома родителей.

— Почему меня?

— Папа плохо катается. Нужен взрослый, который вызовет скорую.

— У вас день без болезни.

— Вот именно. Никаких разговоров о скорой. Просто приезжайте.

Анна собиралась отказаться, но услышала на заднем плане голос Лизы:

— Пусть приезжает.

На катке Михаил действительно держался неуверенно. Соня носилась кругами, волосы выбились из-под шапки. Анна давно не вставала на коньки, но тело быстро вспомнило движения.

— Вы умеете всё? — раздражённо спросил Михаил, когда она в третий раз подала ему руку.

— Только то, чему научилась до сорока. После сорока сложнее притворяться способной.

— Утешили.

Он снова потерял равновесие и схватился за неё. Несколько секунд они стояли слишком близко.

Анна первой отпустила его руку.

В кафе Лиза наблюдала через стекло. Когда Анна принесла ей чай, та улыбнулась:

— Красиво смотрите.

— Не начинайте.

— Я ничего не планирую. Просто ревную.

— Тогда зачем пригласили?

— Соня хотела. И я хотела проверить, выдержу ли.

— Я не учебное упражнение.

— Знаю. Простите.

Лиза подвинула вторую чашку.

— Посидите со мной. Пока они катаются.

Анна села.

— Расскажите о своём бывшем муже.

— Нет.

— Почему?

— Потому что вы клиент.

— А если спрашиваю не как клиент?

— Другой роли у вас сейчас нет.

Лиза задумчиво смотрела на лёд.

— Я боюсь не того, что Миша вас полюбит. Боюсь, что вы будете лучше меня.

— В чём?

— Спокойнее. Разумнее. Не будете забывать оплачивать счета, покупать ненужные чашки, плакать из-за старых фильмов. Соня перестанет помнить, какой я была, и решит, что со мной всем было трудно.

— Людей не любят за удобство.

— Вы уверены?

— Если бы удобство рождало любовь, семейные психологи остались бы без работы.

Лиза рассмеялась. За стеклом Михаил повернулся на звук и увидел жену. Его лицо стало счастливым.

— Вот, — сказала Анна. — Он смотрит на вас.

— Сегодня — да.

— Сегодня и существует.

После катка они поехали домой. Соня потребовала заказать пиццу. Михаил начал читать состав, Лиза отобрала телефон и выбрала самую вредную.

— День без болезни, — напомнила она.

За столом Соня рассказывала о мальчике из параллельного класса. Лиза задавала слишком много вопросов, Михаил делал вид, что не слушает. Анна чувствовала себя лишней и одновременно включённой в их круг.

Когда она собралась домой, начался сильный снег. Михаил предложил отвезти.

— Я на машине.

— Дорогу замечает.

— Доеду.

Лиза стояла в прихожей.

— Оставайтесь в гостевой комнате.

— Нет.

— Это не план. Просто погода.

Анна посмотрела на Соню, уже принёсшую чистое полотенце.

— Только до утра.

Ночью она проснулась от шагов. В коридоре горел слабый свет. Михаил сидел на полу возле спальни, прислонившись к стене.

— Что случилось?

— Ничего. Лиза спит.

— Почему вы здесь?

— Иногда она перестаёт дышать на несколько секунд. Врач сказал, это может быть от лекарств. Я слушаю.

Анна села рядом, оставив между ними расстояние.

— Давно так?

— Несколько недель.

— Вы вообще спите?

— Иногда в кабинете.

— Так долго не выдержите.

— Мне не нужно долго.

— Вам нужно жить после.

Он повернулся к ней.

— Все повторяют это так, будто «после» уже наступило.

— Вы сами живёте в нём. Сидите у двери и ждёте смерти вместо того, чтобы лечь рядом с женой.

— Боюсь разбудить.

— А она, возможно, боится проснуться и не увидет вас.

Дверь спальни открылась. Лиза стояла босиком, держась за косяк.

— Вы оба ужасные психологи, — сказала она. — Один подслушивает дыхание, другая читает лекции в три часа ночи.

Михаил поднялся.

— Тебе плохо?

— Мне одиноко.

Он подошёл, но Лиза посмотрела на Анну.

— Спасибо, что сидели с ним. Теперь отдайте обратно.

— Он ваш, — ответила Анна.

— Пока да.

На этот раз в её словах не было ни замысла, ни великодушия. Только боль.

Утром снег прекратился. Соня ещё спала, Михаил готовил завтрак, а Лиза сидела у окна.

— Ночью я хотела попросить вас уйти навсегда, — сказала она.

— Почему не попросили?

— Поняла, что Миша впервые за неделю с кем-то говорил. Не о лекарствах и не о врачах.

Просто о страхе.

— Он должен говорить с вами.

— Со мной его страх превращается в мою вину.

Анна не нашла ответа.

— Я не хочу быть хорошей, — продолжила Лиза. — Хочу быть эгоистичной. Хочу, чтобы после меня он сидел у двери и слушал пустую комнату. И одновременно хочу, чтобы рядом оказался кто-то и поднял его с пола.

— Эти желания могут существовать вместе.

— Но какая из них настоящая я?

— Обе.

Лиза кивнула.

День без болезни закончился. Но именно в нём они впервые произнесли то, о чём молчали во все остальные дни.

В понедельник Михаил впервые отменил рабочее совещание не из-за больницы, а потому что Лиза попросила остаться на завтрак. Они приготовили сырники по старому рецепту, спорили о количестве муки и сожгли первую порцию. Соня опоздала в школу, но отказалась жалеть.

— Я хочу запомнить, как вы ругаетесь из-за еды, — сказала она.

Лиза записала рецепт от руки, оставив на полях замечания Михаила. Лист положили в коробку семейных историй рядом с письмами и фотографиями.

— Это тоже посмертное присутствие? — спросила Лиза Анну.

— Нет. Это обычная передача опыта. Главное — не требовать, чтобы Соня всю жизнь готовила именно так.

— Пусть готовит лучше, — вмешался Михаил. — Эти сырники опасны.

Соня сфотографировала подгоревшую тарелку. Через несколько часов снимок уже стоял у неё на заставке телефона.

Анна поняла: самые важные воспоминания часто возникают не в тщательно запланированных поездках, а в понедельник утром, когда кто-то пересыпает муку и все опаздывают.

За завтраком Соня потребовала рассказать, о чём взрослые говорили ночью.

— О мамином дыхании, — ответил Михаил.

— Ты опять сидел в коридоре?

— Да.

— Это глупо. Если она умрёт, пока ты у двери, будет ещё глупее.

Лиза поперхнулась чаем, потом рассмеялась. Михаил тоже улыбнулся.

— Убедительно, — признал он.

Они договорились: Михаил возвращается в спальню, а датчик на пальце Лизы подаст сигнал при опасном снижении кислорода. Соня запретила отцу проверять устройство чаще одного раза перед сном.

— Я назначу тебя начальником дома, — сказал он.

— Поздно. Мама давно назначила себя.

Лиза подняла руки:

— Ухожу в отставку.

После завтрака они достали семейные альбомы. День без болезни продолжили ещё на несколько часов. На фотографиях Михаил был бородатым студентом, Лиза — худой девушкой с короткой стрижкой. Соня не верила, что родители могли выглядеть настолько нелепо.

— А это кто? — она показала на мужчину рядом с матерью.

— Костя. Моя первая любовь.

— Папа знает?

— Теперь знаю, — сказал Михаил.

Лиза посмотрела виновато, но он попросил рассказать. Оказалось, Костя бросил её перед выпускным, а через десять лет написал, что совершил ошибку.

— И что ты ответила? — спросила Соня.

— Что ошибки иногда приводят нас туда, где мы должны оказаться.

Она взяла Михаила за руку.

Анна почувствовала себя свидетелем слишком личного момента и пошла на кухню. Через минуту туда вошла Соня.

— Вы уходите, когда они любят друг друга.

— Даю им побыть вдвоём.

— А когда они ссорятся, остаётесь.

— Для этого меня пригласили.

— Получается, вы знаете о нашей семье только плохое.

— Сегодня я увидела много хорошего.

— Вам нравится папа?

Анна поставила чашку.

— Он хороший человек.

— Это не ответ.

— Другого не будет.

Соня нахмурилась.

— Мама сначала хотела, чтобы вы его полюбили, а теперь хочет, чтобы не любили. Как вы понимаете взрослых?

— Не всегда понимаю.

— Тогда почему вам платят?

Анна рассмеялась.

— Иногда достаточно помочь людям самим услышать, насколько противоречиво они говорят.

Перед отъездом Лиза подарила ей фотографию, сделанную на катке. Соня смеялась, Михаил пытался удержать равновесие, Анна поддерживала его за локоть. В дальнем углу стекла отражалась сама Лиза.

— Вы тоже здесь, — сказала Анна.

— Почти незаметно.

— Но без вас этой фотографии не было бы.

Лиза провела пальцем по отражению.

— Оставьте себе.

Анна хотела отказаться, но взяла снимок. Дома она долго выбирала, куда его убрать, и в конце концов положила в тот же ящик, где хранилось письмо.

Два свидетельства чужого плана лежали рядом. Одно было написано до знакомства. Другое доказывало, что жизнь уже отклонилась от замысла.

Через несколько дней Анна встретила с бывшим мужем. Виктор привёз Полинины книги и предложил выпить кофе.

— Ты выглядишь уставшей. Опять спасаешь чужие семьи?

Раньше она рассердилась бы. Теперь спросила:

— Ты считал, что я спасала нашу?

— Ты контролировала. Это не одно и то же.

Они сидели в кафе, где когда-то обсуждали развод. Анна спросила, был ли он счастлив после ухода.

— Иногда. Иногда жалел. Но понимал: если вернусь, мы снова станем прежними.

Виктор рассказал, что и во втором браке бывают ссоры и дни без нежности. Новая любовь не сделала его другим человеком, просто научила говорить раньше, чем становилось поздно.

— Полина думает, я отпустила вас слишком легко.

— Она думает по-разному в разные дни. Не выбирай за неё одну правильную версию.

Перед уходом он сказал:

— Если встретишь человека, не заставляй его доказывать, что он останется навсегда. Никто не может.

Дома Анна снова посмотрела на фотографию с катка. На этот раз не на Михаила, а на отражение Лизы в стекле.

Чужая жена присутствовала в каждом возможном чувстве. Возможно, так будет всегда.

Глава 8. Письмо на тринадцатилетие

Первое письмо Лиза решила отдать Соне за два месяца до дня рождения.

— Вдруг до апреля не доживу, — объяснила она.

Соня побледнела, но не отвернулась.

— Можно без «вдруг»? Скажи: боишься, что не доживёшь.

— Боюсь, что не доживу.

Они сидели втроём в кабинете Анны. Михаил держал конверт, но передал его дочери только после кивка Лизы.

В письме не было советов. Лиза рассказывала о дне, когда узнала о беременности, о страхе снова потерять ребёнка и о том, как Михаил купил семь одинаковых мягких зайцев, потому что не мог выбрать одного.

Соня дочитала до конца и спросила:

— Где зайцы?

— Два у тебя в коробке, остальные раздали.

— Я хочу найти всех.

Так появился новый пункт списка — собрать семь зайцев к тринадцатилетию.

Первого нашли у Ирины. Второго Соня хранила на даче. Третий оказался у дочери старой подруги Лизы. Четвёртого давно выбросили, и Михаил три вечера искал такую же игрушку в интернете.

— Это бессмысленно, — сказала Анна, когда он попросил помочь связаться с продавцом.

— Почти всё важное бессмысленно.

— Лиза хотела не игрушки собрать. Она хотела дать Соне историю.

— А Соня хочет зайцев.

Он был прав.

Поиски объединили семью. Соня звонила людям, которых почти не помнила. Лиза рассказывала, кому и почему дарила каждого зайца. В историях возникала прежняя жизнь: молодые родители, друзья, поездки, дни рождения без больниц.

Пятого зайца принесла женщина по имени Вера. Она когда-то лежала с Лизой в одной палате после неудачной беременности.

— Ты отдала его мне, когда я родила дочь, — сказала Вера. — А через месяц позвонила и сообщила, что снова беременна.

Лиза прижала игрушку к груди.

— Я забыла.

— Я нет.

Они плакали на кухне, Михаил вышел, чтобы не мешать. Анна нашла его на террасе.

— Трудно слышать о времени до Сони?

— Трудно понимать, сколько Лиза сделала без меня. Я считал, что знаю всю её жизнь.

— Ни один брак не делает людей полностью известными друг другу.

— Вы поэтому развелись?

Вопрос был слишком личным, но Анна всё же ответила:

— Мы развелись, потому что однажды перестали интересоваться тем, чего ещё не знаем.

Мне казалось, муж предсказуем. Ему — что я никуда не уйду. Потом он встретил женщину, которая задавала ему вопросы.

— Вы его ненавидели?

— Очень.

— А её?

— Ещё сильнее. Так было проще, чем признать: наш брак разрушила не только измена.

Михаил смотрел на снег во дворе.

— Я не хочу однажды признать, что последние месяцы брака разрушил страх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.